

иерея Николая Пискановского, Лиза Самарина). К этой группе можно отнести также и самого Олега Волкова – человека, которого страдание в условиях лагерного заключения заставляет задуматься о подлинном смысле жизни и по-настоящему обрести Бога.

По мнению писателя, современные ему соловецкие мученики и исповедники веры – изгои в тоталитарном государстве, – восходя на свои Голгофы, являются тем благодатным семенем, которое даст живительные ростки будущего духовного очищения и преображения.

Литература

Волков О. Погружение во тьму. М., 2014.

Казак В. Волков // Лексикон русской литературы XX века. М., 1996.

Кошемчук Т. А.
Санкт-Петербург, Россия

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЙ В «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В главе «Фаталист» Лермонтов обращается, как известно, к мировоззренческим основаниям печоринской психологии. В центре внимания проблема судьбы, т. е. предопределения как зависимости человеческой жизни от высших сил бытия. Различные герои выявляют различные грани темы судьбы – не отвлеченно, не теоретически, но в связи с жизненными ситуациями, в обращении к реальности жизни. Мысли о судьбе всякий раз имеют свои ценностные смыслы: обогащая жизнь или обедняя ее. Можно выделить ряд версий темы (тогда как обычно речь идет о вере или неверии Печорина/Лермонтова в фатализм). Итак, фатализмов в новелле несколько – и их оценка различна.

1. Фатализм как жесткая предписанность свыше (в созвучии с мусульманским фатализмом) всего, до деталей, происходящего с человеком. Вулич в жизненном эксперименте доказывает: человек не свободен в смерти. Однолинейное предопределение Вулича влечет его к встрече с пьяным казаком, к неверному шагу (*зачем же ночью с пья-*

ным *разговаривать*) и к смерти. Злой рок уравнивает Вулича с зарезанной свиньей, вскрывая в этом звероподобии смерти отрицательную ценность его теории.

2. Фатализм античной астрологии, наивная вера древних в участие всего неба в человеческой жизни, являет свою малую ценность в ироническом намерении Печорина смотреть не на небо, а на землю, что спасает его от угрозы споткнуться об убитую свинью.

3. Народно-христианская простодушная вера: *своей судьбы не минуешь*. Соотносясь с обычной логикой жизненных связей, у Максима Максимыча она отзывается как терпеливое приятие жизни и простая житейская опытность. Печоринская ирония в ее адрес есть свидетельство ее невысокой ценности. Эта версия обогащается в устах иного героя народного типа понятием греха и воздаяния.

4. Вопрос философского сознания выверенными словами одного из офицеров углубляет проблему предопределения, связывая его с данными человеку волей и разумом и с вытекающей отсюда ответственностью. Тем самым тема обретает печоринскую тональность. У Печорина высоким аксиологическим статусом обладает внимательное созерцание жизни и действия провидения в ней, которое проводится через сомнения остро-критического и иронического сознания, не допускающего пафоса и высоких слов. Но победа Печорина в его жизненном эксперименте, его поединке с судьбой, утверждает аксиологическую значимость предопределения, которое благоволит мужеству и разуму в свободном деянии, имеющем благу и спасительную цель (невывысказанную, но очевидную). *«Офицеры меня поздравляли – точно, было с чем!»* – единственная позитивная мировоззренческая оценка в новелле, вскрывая ее ценностную основу, относится именно к печоринской версии судьбы, порождающей христианское (без единого слова о христианстве) деяние Печорина в романе: он спасает, ценой риска собственной жизнью, обезумевшего казака от смерти без осознания содеянного, мать казака от созерцания убийства сына, других казаков от угрозы смерти в прямом захвате. Это последнее, что мы узнаем в романе о Печорине: его осмысление действующих в мире высших сил влечет его к свободному и мужественному деянию ради для разрешения ситуации – и судьба благоволит. Не рок и не фатум, но благой закон жизни.

Так ценностный подход позволяет выявить значение и смысл последней главы романа, увидеть в ней великий залог будущих лермонтовских постижений на пути мысли – если бы не *вечно печальная дуэль*.

Лаппо М. А.
Новосибирск, Россия

ГЛУБИНА ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Данное исследование базируется на следующей установке: ценностные предпочтения читателя (реципиента), будучи неотъемлемым компонентом картины мира, оказывают значимое влияние на результат понимания текста. В докладе рассматривается лингвистический анализ рассказа И. Бунина «В Альпах» студентами, обучающимися в Новосибирском государственном педагогическом университете по магистерской программе «Медиаобразование», а также взаимосвязь понимания текста с результатами теста М. Рокича на ранжирование ценностных ориентаций.

Рассказ «В Альпах» представляет собой пример короткой новеллы и, написанный в 1949 г., относится к эмигрантскому периоду творчества И. Бунина. В нем отсутствует традиционная для рассказа композиция с развернутым сюжетом, его можно назвать текстом-зарисовкой. Текст наполнен особым «библейским мироощущением», характерным, по утверждению Г. Ю. Карпенко, для многих произведений автора [Карпенко 1998]. Специфику бунинской философии, православной направленности его текстов, наполненных отсылками к Псалтири как «Книге Хвалений», емко обозначает О. А. Бердникова: «В поэзии и ряде прозаических произведений Бунин декларирует предстояние человека Богу как глубоко христианское чувство пребывания в мире, в котором человек испытывает не только «ужас, покаяние, отчаяние» (дневниковая запись от 25 января 1922 г.), но, прежде всего, «любовь и радость бытия» (строка из стихотворения «Еще и холоден и сыр...», 1901 г.) [Бердникова 2012: 327]. Это совмещение «милости и кары господней» в рассматриваемом рассказе выражено противопоставлением статики заголовка и динамики движения ав-